

Ананьев Г.

ГОРЬКОЕ НЕБО ВОЙНЫ (ОТРЫВОК)

Прокофий Трофимович еще и еще раз перечитывал похоронную.

"Ваш сын, техник-интендант 2 ранга Гоманков Иван Прокофьевич пал смертью храбрых..."

Верил и не верил этим холодным, казенным словам, не верил, что его сына, его Ивана нет в живых. Но от того, что он не верил этим словам, они не становились менее жестокими: "...пал смертью храбрых..." Прокофий Трофимович открыл шкаф, в котором висело новое курсантское обмундирование – подарок сына. Всего один раз Прокофий Трофимович надевал это обмундирование, в тот день, когда Иван после окончания пограничного училища приехал в отпуск. Отец, бывший солдат-красногвардеец, и сын, офицер-пограничник, прошли по селу оба в военной форме, в зеленых фуражках. Сверстники Прокофия Трофимовича в тот день здоровались с ним особенно почтительно, с уважением пожимали руку и Ивану.

– Герой! Весь в отца, – искренне восхищались тогда многие.

Прокофий Трофимович достал из гардероба зеленую фуражку и погладил ее, будто голову сына. Надел и, повернувшись к плачущей жене, положил ей на плечо по-крестьянски тяжелую руку.

– Пойду, Гаша.

Она не сразу поняла, о чем он говорит. Куда и зачем идти, когда нет Ивана. А Прокофий Трофимович продолжал:

– Завтра пойду в Шумячи, в военкомат. Смогу еще винтовку держать в руках.

...Не просыхали глаза у Агафьи Родионовны, седали волосы: нет сына, муж на фронте. А еще письмо из Москвы, где жила старшая дочь Аня. Пишет, что приняли на курсы медсестер: "Я им заявила, что как окончу курсы, сразу поеду на фронт. На смену погибшему брату..."

Понимала Агафья Родионовна, что и Прокофий ее прав и дочь верно поступила, но сердце материнское заполнилось тоской, и когда приходила почтальонша, с опаской брала она конверты. Боялась новой похоронной. А сына своего любимого оплакивала каждый день. Украдкой, чтобы ни Вера, ни Олечка – младшие дочери – не видели.

Не знали они, что Иван Гоманков остался жив и пробирался, опираясь, на самодельный костыль, в обход сел по лесным тропам на восток. Вместе с другими ранеными пограничниками. Питались чем придется, к ранам прикладывали листья подорожника.

...Накануне войны Иван Гоманков приехал в Гродно. Перевели его из Лемжи не должность заместителя командира отдельного пограничного саперного батальона по хозяйственной части.

Девятнадцатого июня в коммунальном отделе жилищного управления Гродно вручили Гоманкову ордер на квартиру, а командир батальона сказал:

– Устраивайся. В понедельник начнешь дела принимать.

Но в воскресенье его разбудили взрывы бомб и гул самолетов. Быстро оделся, взял пистолет и побежал в часть. На полдороге его встретил посыльный.

– Товарищ техник-интендант второго ранга, командир батальона приказал сразу в опорный пункт.

Они побежали вместе. Пронзительно выли самолеты, выли и, сотрясая землю, рвались бомбы.

– Даю тебе взвод, – встретил Гоманкова комбат, – и участок обороны. Задача: воспрепятствовать переправе немцев через Неман.

Сказал и побежал на левый фланг батальона.

Гоманкова окружили незнакомые ему бойцы и младшие командиры, ждут, что скажет он. У многих встревоженные лица. "Что это? Война или провокация? "

Но где тут с ответами, если рядом начали рваться мины и один осколок впился в плечо бойцу. Тот вначале ойкнул, а потом выругался, крепко, по-русски, достал индивидуальный пакет и попросил товарища:

– Перевяжи. – И виновато посмотрел на Гоманкова. – Сорвалось, товарищ техник-интендант второго ранга.

Это извинение сейчас показалось Гоманкову ненужным, но оно подействовало успокаивающе, он даже с завистью подумал о красноармейце: "Боец! Настоящий боец!"

Еще одна мина разорвалась поблизости, еще и еще. Угрожающе просвистели над головой осколки. В каждом из них – смерть.

Пригнувшись, подбегали командиры отделений, докладывали, называли фамилии. Не знал Гоманков никого, не знал, выстоят ли, смогут ли воодушевить подчиненных, распорядиться ими правильно? Но разве есть время изучать людей? Вновь разорвалась мина недалеко, прошумели и впилась в землю осколки.

– Людей до начала атаки в блиндажи. Оставить наблюдателей. Огневые точки занять, как только немцы начнут переправу, – он начал отдавать приказы командирам отделений строго по пунктам, громко, как на занятиях по тактике в училище, но сам же почувствовал, что сейчас ничего этого не нужно, что все должно быть проще и спокойней.

– Вот что, – помолчав, сказал он, – укажите огневые точки, но пулеметы не выставляйте на бруствер. Только будьте готовы быстро установить. Начнут переправу, подпустим поближе и в упор расстреляем. Ясно?

– Так точно!

– Передайте бойцам: назад ни шагу. Давайте к отделениям.

На том, вражеском берегу немцы несли к воде лодки. Усаживались поудобней, не спеша. Громко болтали.

– Ну наглецы! – возмущался Гоманков, наблюдая за фашистами. – Как на прогулку собираются. Дадим вам прогулку!

"Взвода два против нас", – определил Гоманков, когда гитлеровцы отчалили от берега. Подождал еще немного и крикнул во весь голос.

– Взвод!

Сделал паузу, чтобы бойцы успели поднять из окопов пулеметы и установить на площадках. А немцы внимания на эту команду не обратили. Заиграла губная гармошка.

"Сейчас заткнешься!" – мелькнула у Гоманкова злорадная мысль.

– Взвод – пли!

Гармошка споткнулась на половине такта. Кто-то завыл, застонал, закричал. Две лодки перевернулись. На других поспешней заработали веслами, по берегу ударили из автоматов.

"А-а! Завыли!" – ликовал Гоманков.

И снова во весь голос крикнул:

– Взвод – пли!

Дружный залп, и перевернулись еще две лодки. Кто пыл ближе к нашему берегу, торопился, другие повернули назад. Радостное возбуждение охватило Гоманкова.

– Взвод – пли!

– Взвод – пли!

А между залпами, справа и слева, яростно стучали пулеметы.

Комбат бежал по окопу и издали еще кричал:

– Хорошее начало! Молодец, лейтенант! Пошлите за патронами, – и побежал дальше в соседний взвод.

К берегу, прямо против позиции взвода, подошли две самоходки и три танка.

– Всем в укрытие! Сменить огневые! – скомандовал Гоманков.

Возобновили огонь минометы, прицельно начали бить по блиндажам танки и самоходки. Застонала земля. И ногу ударило резко, и боль помутила сознание. Гоманков медленно осел на дно окопа и как будто издали услышал крик:

– Командира взвода убило!

Нет, не убило. Превозмогая боль, он поднялся. Достал индивидуальный пакет и сказал подбежавшему солдату сквозь стиснутые зубы:

– Перетяни.

Фашисты снова начали атаку под прикрытием артиллерийского и минометного огня. Пограничники заняли огневые позиции. Заработали пулеметы, вслед за ними винтовки. Но много лодок с гитлеровцами приближалось к берегу. Гоманков крикнул:

– Гранатами! Огонь! И первым швырнул гранату в подплывающую лодку.

А в небе – фашистские самолеты. Пикирующие бомбардировщики, заваливаясь на крыло, с воем ринулись к земле. Тяжко заухали бомбовые разрывы.

После налета Гоманков приказал расчистить траншеи и окопы, подготовить новые огневые позиции, эвакуировать раненых. Но раненые отказались уйти в тыл.

Передышка была недолгой. "Воздух", – крикнул наблюдатель. На батальон снова налетели пикирующие бомбардировщики. И снова гитлеровцы бросились к лодкам, снова закипела вокруг них вода Немана. Но и враги поливали автоматным огнем позиции взвода.

Четыре часа держится взвод. У Гоманкова от слабости кружится голова. Лечь бы сейчас и заснуть, не слышать ни взрывов, ни свиста осколков. Да нельзя. Вот-вот немцы начнут все заново. И пограничники готовятся к отпору, уже разносят боеприпасы. Но вдруг команда по цепи: "Отходить. Раненых в санитарные машины".

Гоманкова вместе с другими ранеными погрузили в "санитарку". И повезли в тыл через Гродно, мимо разрушенных домов – дальше и дальше от передовой.

На шоссе водитель прибавил скорость, но из-за леса вылетел "мессершмитт", пронесся на бреющем вдоль дороги, выпустил пулеметную очередь по санитарной машине. Машина загорелась. Случись паника – никто бы не остался в живых, но раненые, помогая друг другу, вылезли из горящей машины. Фашистский пират сделал второй заход и сбросил бомбу. Попал прямо в кузов. Того, кто не успел укрыться в кювете, сбило взрывной волной.

На шоссе от Гродно появились немецкие танки. Два легко раненных бойца подняли Гоманкова из кювета и – в лес. Все раненые успели укрыться в густой заросли. Они видели, как головной танк притормозил у догоравших обломков машины, будто присел перед прыжком, потом взревел мотором и рванул вперед.

Молча шли красноармейцы от дороги. В тенистом овраге сделали привал, перебинтовали раны. Кому требовалось, смастерили костыли.

Больше недели пробирались они по лесным тропам и проселкам. Шли все дальше на восток.

За станцией Мосты встретили сводный отряд, занимавший оборону у железнодорожного места через приток Немана. Пограничников встретили по-братски: накормили, врач осмотрел и обработал раны. Потом легли в тенечке, закурили – каждый скрутил сигарку – и почувствовали себя спокойно, будто не было первого боя, загоревшейся "санитарки", ни самодельных костылей, ни подорожника на гнойных ранах. Мирный лес, казалось, дремал, изнуренный жарой. Дремали и солдаты.

Ночь прошла спокойно. Гоманков первый раз за полторы недели уснул крепким сном. Крепко спали и другие пограничники. Командир сводного отряда не послал их ни в разведку, ни в охранение. А утром вызвал к себе Гоманкова.

– Интендант?

– Так точно.

– Народ прибывает, а у многих обмундирование и обувь истрепались. Одевать нужно. На тебя эту задачу я и решил возложить. Придется вот в это село ехать, – командир показал на карте село и маршрут. – Здесь склады кавполка. Потом поедешь к складам за боеприпасами, – он показал на карте и их. – Выделить могу только две подводы. Остальные мобилизуй в сельсовете. Бери своих пограничников и – в путь...

Ананьев, Г. Горькое небо войны / Г. Ананьев // На румбах мужества / Г. Ананьев. – Москва, 1979. – С. 58–128.